

Когда Шэнь Шивэнь толкнул дверь художественной студии Чжиинь, Сун Чжичжао как раз вовсю водил кистью, размашисто и небрежно копируя «Звездную ночь» Ван Гога.

Его четко очерченная рука крепко сжимала кисть, он сосредоточенно выписывал детали на мольберте и даже не обернулся, заметив, что кто-то вошел.

Шэнь Шивэнь не смел издали подать голос, затворил за собой дверь и окинул взглядом неуловимый затылок возлюбленного. Переведя взгляд, он внезапно наткнулся на давящую своей мрачностью незаконченную картину и в тот же миг мысленно выругался.

Хотя он не особо разбирался в абстракции и глубине импрессионизма, он прекрасно знал, что Сун Чжичжао всегда любил туманную луну, похожую на морской прилив, но сегодня тот почему-то вымазал эту серповидную луну в смоляно-черный цвет.

Как-то раз он слышал от Сун Чжичжао, что художники часто добавляют оттенки по наитию — светлые или темные, все зависит лишь от сиюминутного настроения.

Шэнь Шивэнь смотрел на эту угольно-черную луну, которая словно насмешливо обличала его прегрешения, и от этого ему стало неудобно, будто на раскаленных углях. В его голове закрутились мысли: как же теперь задобрить парня, которого он по собственной вине продинамил весь вчерашний праздник Циси?

В случившемся действительно был виноват Шэнь Шивэнь.

Полгода назад он отправился в соседний город помочь другу, занимающемуся музыкой, записать песню. Поначалу он рассчитывал управиться до Циси, поэтому заранее взял билет на высокоскоростной поезд на вчерашний день — надеялся как раз успеть провести День всех влюбленных с Сун Чжичжао.

Но позавчера вечером он славно посидел с друзьями за выпивкой, а на следующий день проспал так крепко, что ночь с днем перемешались, и безнадежно опоздал на тот поезд.

Когда он протрезвел и в панике попытался купить билет на тот же день, то обнаружил, что закончились даже билеты на медленные поезда, не говоря уже о скоростных.

Тогда Шэнь Шивэню, не оставалось ничего другого, как забронировать билет на единственный оставшийся на сегодня рейс с сомнительным чувством в груди набрать номер Сун Чжичжао и во всем признаться.

Услышав, что тот пропустил поезд из-за пьянки, Сун Чжичжао на мгновение умолк, а затем бросил короткое «можешь не возвращаться» и повесил трубку.

Шэнь Шивэнь горько раскаивался: он знал, что дело было вовсе не в самом празднике Циси —

в конце концов, они были вместе уже шесть лет и успели отметить все мыслимые и немыслимые даты. Сун Чжичжао злился на то, что он тайком напился до бесчувствия и бездумно гробил собственное здоровье.

Несколько лет назад из-за привычки увлекаться холодным у него развился гастрит. Боль порой была такой сильной, что он катался по кровати, а по ночам его прошибал холодный пот.

Тогда Сун Чжичжао водил его по лучшим специалистам города Юйцзян по желудочно-кишечным заболеваниям, и все они твердили, что гастрит — не такая уж страшная вещь, главное следить за питанием и вовремя принимать лекарства. Пока один старый врач не упомянул, что пшенная каша укрепляет селезенку и желудок, так что ее полезно пить время от времени, но без излишеств.

Сун Чжичжао запечатлел слова лекаря в памяти. Вернувшись домой в тот же день, он встал к плите варить каши и супы, и целых два года выхаживал его слабый, хрупкий желудок, пока тот не восстановился процентов на семьдесят-восемьдесят.

И надо же было такому случиться: стоило Сун Чжичжао уехать, как он принялся заливать в себя ледяное пиво и крепкое спиртное словно воду. Разве это не чистой воды самоубийство?

Так что нечего винить Сун Чжичжао за то, что тот в гневе сбросил вызов. На его месте любой бы сорвался на месте и отчитал непутевого парня на чем свет стоит!

Видя, что Сун Чжичжао игнорирует его, Шэнь Шивэнь в страхе и трепете подошел со спины и, вжав голову в плечи, словно черепаха, виновато пробормотал:

— А-Чжао, я виноват. Прости меня.

Рука Сун Чжичжао, державшая кисть, слегка дрогнула. Все заготовленные нравоучения застряли в горле. Тяжело вздохнув, он повернулся и спросил:

— Сколько ты выпил в тот вечер?

Шэнь Шивэнь не смел обманывать и, потирая затылок, замялся:

— Я не помню точно.

Сун Чжичжао бросил на него косой взгляд и ничего не ответил; лишь с тихим стуком швырнул кисть на соседний стол, взял салфетку и принялся тщательно вытирать с рук краску.

Стоял разгар августовского лета. На Сун Чжичжао была простая футболка с коротким рукавом, и на его обнаженных предплечьях проступали вздувшиеся вены.

Шэнь Шивэнь наблюдал за этим со стороны, уловив сильное сдерживаемое раздражение, и

поспешно прижался к нему с льстивым видом, выуживая из кармана брюк изящную коробочку.

— Малыш, глянь-ка, какой подарок я тебе приготовил!

Сун Чжичжао даже не взглянул на коробочку, крепко стиснул зубы и решительно щелкнул его по лбу.

Звук вышел глухим и довольно громким. Шэнь Шивэнь тут же схватился за голову, наигранно охнул и принялся жалобно причитать:

— Ой как больно! Как рука у тебя поднимается так меня тиранить? Куда подевался мой нежный, красивый и понимающий малыш? Вернись к нему!

Глядя на то, как тот скачет по комнате, держась за голову, Сун Чжичжао, до того хранивший суровое выражение лица, наконец не выдержал и улыбнулся уголком рта.

Он протянул чистую руку, помассировал лоб Шэнь Шивэня и произнес:

— Ладно, хорош притворяться, я ведь совсем не сильно ударил. Это тебе небольшое наказание, а в следующий раз неповадно будет так наплевательски относиться к своему здоровью.

Воспользовавшись моментом, Шэнь Шивэнь обнял Сун Чжичжао за руку и зачастил с кивками:

— Понял-понял, малыш, больше ни за что не посмею.

Сун Чжичжао остался доволен его искренним раскаянием, взял за подбородок, слегка коснулся его губ и наградил легким, почти невесомым поцелуем.

Увидев, что к тому вернулось прежнее расположение духа, Шэнь Шивэнь наконец облегченно выдохнул.

Окружающие всегда говорили, что Сун Чжичжао — обходительный и элегантный джентльмен.

И лишь Шэнь Шивэнь знал, что мягкость и благородство были лишь внешней оболочкой. У Сун Чжичжао всегда были жесткие принципы, к тому же он принадлежал к тем людям, с которыми можно было по-хорошему, но не по-плохому.

Пусть обычно он казался мягким и доброжелательным, стоило ему разозлиться, как Шэнь Шивэнь терялся и не знал, что делать. Оставалось лишь умасливать его ласковыми обращениями вроде «малыш» или «сокровище», пока Сун Чжичжао сам не смягчится и не перестанет дуться.

— Точно, малыш, взгляни на подарок, который я для тебя приготовил.

Шэнь Шивэнь снова протянул коробочку Сун Чжичжао, глядя на него с полнейшим ожиданием.

Сун Чжичжао бросил лишь мимолетный взгляд на футляр и сразу понял, что внутри, после чего решительно покачал головой:

— Не буду носить. Кольцо слишком приметное, посторонние сразу догадаются. На других мне плевать, а вот если мои родители увидят, тут же начнут подозревать, что между нами что-то есть. Сам знаешь, я пока не готов к открытости.

Услышав это, Шэнь Шивэнь мгновенно помрачнел. С неловким видом он спрятал за спину руку с точно таким же кольцом на пальце и виновато улыбнулся:

— Ах да, точно, я и забыл.

Разве мог Шэнь Шивэнь на самом деле забыть об этом?

Они были вместе уже шесть лет, и все эти шесть лет Сун Чжичжао тщательно всё скрывал, смертельно боясь, что родители узнают об их связи.

Ничего не поделаешь: Сун Чжичжао происходил из семьи потомственных литераторов, и он считал, что люди старой закалки неизбежно страдают предрассудками, полагая, будто женитьба и продолжение рода — единственный правильный путь, а однополая любовь противоречит законам природы.

Поэтому, опасаясь, что родные прознают обо всем и насильно разлучат их, словно пару диких уток, Сун Чжичжао все уговаривал Шэнь Шивэня потерпеть.

Попросил переждать три года или пять лет, пока общество не станет более открытым, а их родители не постареют настолько, чтобы им уже не было дела до чужих браков.

Но всякий раз, когда Шэнь Шивэнь вспоминал, что все эти годы играл роль тайного любовника Сун Чжичжао, у него начинали зудеть десны, а на душе становилось все тоскливее.

Рука, державшая коробочку с кольцом, медленно опустилась — он захотел спрятать этот подарок, к которому готовился с такой тщательностью.

Сун Чжичжао, разумеется, заметил его подавленное состояние, решив про себя, что перегнул палку с наказанием. Он тихонько рассмеялся, перехватил чужое запястье и бесцеремонно забрал коробочку.

— Ты чего? Разве принято забирать назад уже подаренные вещи?

— А? Что?

Шэнь Шивэнь не сразу сообразил, к чему он клонит, и так и замер на месте, тупо глядя, как тот открывает бархатный футляр и самостоятельно надевает изготовленное на заказ лаконичное кольцо на средний левый палец.

Сун Чжичжао поднял руку, любуясь кольцом, переливающимся при свете мягким блеском; на миниатюрном ободке едва заметно проступал узор его любимой луны.

Он довольно кивнул и гордо задрал подбородок:

— Не зря ты мой муж, вкус у тебя просто отменный.

Только теперь Шэнь Шивэнь сообразил, что Сун Чжичжао намеренно говорил те слова, чтобы потрепать ему нервы — исключительно ради воспитательной беседы за вчерашнюю ночную тайную попойку.

— Пропитываюсь твоим влиянием, — Шэнь Шивэнь уставился на его длинные белые пальцы и расплылся в улыбке, польщенный похвалой. — Столько лет с тобой рядом, разве я могу не знать твоих вкусов наизусть?

Сун Чжичжао легонько толкнул его локтем и со смешком выругался:

— Язык без костей! Ты что, прямо с поезда помчался домой за подарком? Только чтобы задобрить меня и извиниться?

Шэнь Шивэнь не ожидал, что тот раскусит его с полуслова, поднял большой палец и с ухмылкой произнес:

— Ну надо же, какая проницательность, великий художник Сун, и это угадал! Может, бросишь живопись? Буду таскать тебя с собой на рынок гадать по руке, тебя тут же назовут прорицателем современности!

— Иди ты, будто я тебя не знаю! — Сун Чжичжао бросил на него искоса взгляд, вдоволь налюбовался кольцом, опустил руку и продолжил: — Твой подарок ждет дома, спорим, он тебе понравится.

Шэнь Шивэнь не особенно заботился о подарках — не видевшись полмесяца, он безумно соскучился. К тому же в студии они сейчас были вдвоем, и в нем проснулось игривое настроение, так и манящее приласкать любимого человека.

<http://bllate.org/book/28708/3471250>